

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/54/8

Н. А. Трубицина

Елецкий государственный университет

Культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень»

Впервые предпринимается попытка осветить влияние философии идеализма Иммануила Канта на мировоззрение Михаила Михайловича Пришвина и выявить воздействие культурологических идей немецкого мыслителя на тематику и проблематику пришевской повести «Жень-Шень». Рассматриваются кантовские идеи о соотношении природы и культуры, красоты искусства и красоты естественного мира, культуры и цивилизации. Отмечается, что значительное место в философии Канта занимают вопросы этнических культур. Определяя дискурс повести «Жень-Шень» как автобиографический, мы приходим к выводу, что культурологические размышления Иммануила Канта созвучны художественному миру произведения. Проблематика повести отражает основные этические и эстетические положения кантовской концепции культуры и раскрывает читателю М. М. Пришвина как писателя высокого нравственного чувства.

Ключевые слова: творчество Пришвина, философия Канта, культурологические идеи, мировоззрение писателя.

Иммануила Канта, родоначальника немецкой классической философии, уже его современники считали поистине титанической фигурой. Возникшее через шестьдесят лет после смерти философа неокантовство подтвердило важность основных идей немецкого мыслителя, а лозунг Отто Либмана «Назад к Канту!» прозвучал как вызов материалистическому мировоззрению второй половины XIX в.

Мировоззренческие основы художественной системы Михаила Пришвина формировались в диалоге с большим количеством философских направлений и школ, что неоднократно отмечалось исследователями его творчества. Так, Н. В. Борисова в работе «Михаил Пришвин: Диалоги с эпохой» отметит: «Амплитуда философских вопрошаний Пришвина поражает: “философия жизни”, анализ проявлений сознательного и бессознательного, интуитивизм, философия времени, прагматизм, марксизм, средневековая мистика – все “переплавляется” мощным

Трубицина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией «Бунинская Россия» Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (ул. Коммунаров, 28, Елец, 399770, Россия; Trubicina-nat@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© Н. А. Трубицина, 2016

интеллектом писателя, долгие годы находившегося, по его собственному признанию, в поисках “философского камня”» [Борисова, 2009, с. 3].

Имя Канта периодически возникает на страницах пришвинского дневника и автобиографического романа «Кашеева цепь». Автобиографический герой, Михаил Алпатов, для своего умственного развития считает необходимым прочитать в подлинниках Гегеля и Канта, чтобы «Осип (товарищ по революционному кружку. – *Н. Т.*) не сбивал его противными словечками вроде априори» [Пришвин, 1982, с. 208]. В романе устами своего героя рассказчик спорит с идеализмом и метафизикой немецкой философии, прозвучавшей в докладе русского студента Аксенова «От марксизма к идеализму»: «Но как выступить, если он не знал ни Риля, ни Зиммеля и ни малейшего понятия не имел о гносеологии, вокруг которой и вертелся доклад. Но внезапно ему вспомнилась прежняя мысль о практическом коррективе всякой философии, он нащупал в себе реальное, как земля, чувство правды жизненной, для чего нужны простые слова, а не модная философия. Так он и начал говорить, что для философии идеализма нет практического корректива, и если миновать материализм, то это значит миновать диктующую необходимость жизни, и дальше будет, конечно, все легко и безответственно, сначала от Маркса к Канту, потом от Канта к Христу, от Христа к церкви...» [Там же, с. 321]. Здесь Пришвиным упоминаются имена философов-неокантианцев Алоиза Риля и Георга Зиммеля, а также введенное в научный оборот Кантом понятие гносеологии – учении о познании.

Присутствует здесь и открытая аллюзия на труды философа и богослова С. Н. Булгакова. Сборник статей «От марксизма к идеализму», вышедший в 1903 г., был поворотом марксиста Булгакова к философии немецкого классического идеализма и софиологии Владимира Соловьева. Эти идеи близки по своей сути и творческому сознанию Михаила Пришвина. Но его герой, Михаил Алпатов, наивный прозелит марксистского учения, по-своему стремится защитить позиции материалистической философии. Однако подключение ницшеанского и штирнерианского философского контекстов, в конце концов, уведут Алпатова от догматического марксизма. Герой развивает в себе свойственное диалектическому мышлению универсальное мировоззрение, последовательно расширяет и обогащает личностный кругозор, вырабатывает собственную аксиологию.

Польский пришвиновед Францишек Апанович видит в повести «Жень-Шень» «своеобразное продолжение пути Алпатова» [Апанович, 2002, с. 111]. «Скрытой автобиографией» называл повесть и сам писатель. Культурологические идеи Иммануила Канта оказались очень созвучными новому пришвинскому мировоззрению. Широко известно программное признание Канта: «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них, – звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [Кант, 1965, с. 270]. Сделав особый акцент на моральной стороне бытия, считая культуру данной Богом способностью человека подняться от «животного», чувственного состояния к высоконравственному существованию, повинаясь внутреннему повелению к добру, Кант назвал это «категорическим императивом». Основным законом кантовской этики гласит: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и не относился бы к нему только как к средству» [Там же]. Развернутой художественной версией этого кантовского постулата является повесть Михаила Пришвина «Жень-Шень».

Повесть «Жень-Шень» писатель считал одним из лучших своих творений: «Разве я знал, что я, такой-сякой, могу написать “Жень-Шень”! а когда написал, то уважать себя стал» [Пришвин, 2009, с. 270], – сделает Пришвин запись в дневнике за 1935 г. В дневнике он отметит также, что главный мотив повести («охотник, охотник, отчего ты не схватил ее за копытце») приснился ему во сне.

Вся повесть – это попытка оправдать свой поступок с помощью тех нравственных и эстетических ценностей, одним из основоположников которых выступил выдающийся немецкий философ.

Главной культурологической идеей Канта является качественное различие двух миров, в которых постоянно находится человек, – мира природы и мира свободы. Подлинно человеческим миром философ считает только второй. Как существо биологическое, человек не может быть свободным: он вынужден подчиняться своим инстинктам, считаться с властью времени. Зло, по мнению Канта, изначально господствует в природе. Однако человек живет не по законам зоологии, а по законам культуры, и в этом случае он уже не феномен, а ноумен – умопостигаемая сущность, свободно определяющая собственную траекторию жизни, ее высший смысл и конечную цель.

Герой повести «Жень-Шень» постоянно чувствует в себе эти кантовские два мира – мир природы и мир свободы: «Как охотника, значит тоже зверя, меня очень соблазняло – тихонечко приподняться и вдруг схватить за копытца оленя... Но во мне еще был другой человек, которому, напротив, не надо хватать, если приходит прекрасное мгновение, напротив, ему хочется то мгновение сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда» [Пришвин, 2007, с. 602]. В пришвинском герое побеждает «другой человек», человек, который не поддался внутреннему голосу «зверя», а поступил согласно нравственному закону. Он поступил как свободная личность, но эта внутренняя свобода далась ему непросто. Об этом знает «плачущая скала», сливаясь с которой сердцем, герой не раз воскликнул: «Охотник, охотник, зачем ты упустил ее и не схватил за копытца!» [Там же, с. 612].

Принципиальная разница в подходе Канта к миру природы и миру свободы (культуры) не мешает тем не менее их встрече в универсуме. Их связала, соединила великая сила искусства – сила Красоты. Философ считал высшим проявлением культуры ее эстетическое проявление. Этот вывод Канта был положен в основу общего представления о сущности и назначении культуры всем европейским романтизмом. Только через Красоту, Прекрасное примиряется с природой герой повести «Жень-Шень». Еще до встречи читателей с оленихой Хуа-лу автор характеризует пятнистых оленей как «одно из самых прекрасных, самых грациозных и нежных существ» [Там же, с. 591]. При новых встречах с самкой оленя герой всегда видит ее «прекрасные глаза», не устает удивляться ее природной грациозности и силе. Для него это есть «волшебное сочетание», утвержденная свыше «нераздельность правды и красоты».

Эстетическое чувство преобладает у героя над всеми остальными. Открывшийся взору голубой океан делает его счастливейшим в мире человеком, готовым терпеть невзгоды и лишения кочевой жизни ради возможности просто полюбоваться с высоты прекрасным видом. Каждый цветок долины Зусухэ раскрывается ему как «маленькое солнце», а глаза прекрасной Хуа-лу – как дивный цветок.

Неотъемлемой частью всей философской системы Канта является идея вечного мира. Уже в свое время попытку европейских государств достигнуть равновесия в области вооружений он назвал чистойшей химерой, «подобно дому Свифта, который был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на него сел воробей» [Кант, 1965, с. 106]. Спустя ровно сто лет после смерти Канта, в 1904 г., в Маньчжурии пришвинский герой, молодой химик-сапер, осознает всю бессмысленность войны. Смерть сравнивает своих и чужих, делает мертвой землю вокруг; от грохота человеческих пушек покидают привычные места звери, которые «не изменили своей родине», даже когда она оледенела.

Кант во многом разделял критику цивилизации французским философом Жан-Жаком Руссо. Но в отличие от Руссо, Кант явственно осознавал, что пути назад

у человечества нет. Единственный путь выживания человека – это не возвращение к первобытному состоянию и полное слияние с матерью-природой, а постепенное выдавливание «из себя раба», борьба с собственным естественным, животным началом, превращение из дикаря в личность. Именно этот путь выбирает пришвинский герой. Он снова идет по пути цивилизации – из охотника превращается в животновода. «Приручением животных люди занимались только на заре человеческой культуры и, добыв себе несколько видов домашних животных, почему-то забросили его и продолжали с домашними жить по рутине, а диких стрелять. Мы возвращались к этому заброшенному делу с накопленным за это время безмерным знанием, и, конечно, и мы были другие, и по-другому должно было создаваться дело, начатое на заре человеческой культуры дикарями» [Пришвин, 2007, с. 635].

В обширном философском творчестве Канта нашлось место и размышлениям об этнической культуре. Его интересовали различия человеческих рас и национальных характеров. Выводы философа абсолютно современны и однозначны: все расы и народы, хотя и не похожи друг на друга, происходят из единого корня природы, а следовательно, среди них не может быть «высших» и «низших». В этом взгляды Канта и Пришвина также поразительно совпадают. Различия в национальной культуре, в восприятии мира героем и китайцем Лувеном постоянно подчеркиваются автором. Для героя Лувен – «самый культурный отец, какие только бывают на свете», а суть любой культуры после общения с китайцем видится «в творчестве понимания и связи между людьми» [Там же, с. 613].

Для китайца Лувена герой – капитан. Как заметит рассказчик, это прозвище он получил после того, как открыл Лувену «простой план добывать постоянно много лекарства» [Там же, с. 630]. Свойства капитанов, т. е. европейцев, с точки зрения Лувена, – делать открытия. Характерный для экстравертного европейского сознания тип мышления точно подмечен Пришвиным. Необходимость даже полезного овладения природой исключается из мировоззрения китайца, который мог сделать аналогичное открытие много раз, ведь за тридцать лет проживания в одном месте он не мог не видеть, как «колень-цветок вступала через переузок на пастбище Орлиного Гнезда» [Там же]. Но жизненное кредо китайца – «все на свете оживлять». Это европеец, умеющий «делать химический анализ любого вещества по качеству и визнавать количество его составных частей с точностью до четвертого знака», готов направить свое «испытующее внимание» в любую область научных знаний.

И тем не менее, как заметит рассказчик, «и у него, китайца, и у меня, русского, была как будто общая родина Арсея, но потом, через много лет я эту Арсею стал понимать здесь, у ручья, с его разговорами и считать просто случайностью, что когда-то Арсея Лувена была в Шанхае, а моя Арсея в Москве...» [Там же, с. 595].

Назвав повесть «Жень-Шень», автор на страницах произведения постоянно расшифровывает нравственный аспект «корня жизни»: «Да, конечно, корень жизни нашей находится в земле, и любовь наша с этой стороны, как у животных, но нельзя же из-за этого зарывать стебель и цвет свой в землю, а таинственный корень обнажать и лишать начало человеческой жизни покрова» [Там же, с. 612]. Отбрасывая медицинское и суеверное восприятие женьшеня, рассказчик понимает его воздействие как нравственный урок, способный заставить людей пережить боль разлуки, простить прошлые обиды, снова научиться любить.

Для героя – человека научного мышления и европейского сознания – действие «корня жизни» переходит из природного мира в мир культуры: «Вместе со всеми тружениками новой культуры я чувствую, что из природной тайги к нам в нашу творческую природу перешел Корень жизни, и в нашей тайге искусства, науки и полезного действия искатели корня жизни ближе к цели, чем искатели реликто-

вого корня в природной тайге» [Пришвин, 2007, с. 673]. Разумная природа человека может и должна обуздать эгоизм, поставить душевные проявления личности под контроль нравственного долга. В работе «Метафизика нравов» Кант отметит: «Возделывать свои способности (из них одну больше, а другую меньше в зависимости от его целей) и быть в прагматическом отношении человеком, соответствующим цели своего существования, – это веление морально практического разума и долг человека перед самим собой» [Кант, 1994, с. 489].

В повести «Жень-Шень» герой сумел подчинить все свои духовные силы не просто нужному и интересному для него делу. Та «высота», на которой он остался в своей любви, теперь перешла на его работу. Цель труда героя высока этически: «...и так вместе с другими тружениками, безвестными и знаменитыми, мало-помалу вступаю в предрассветный час творчества новой, лучшей жизни людей на земле» [Пришвин, 2007, с. 676].

Безусловно, нельзя сводить весь мировоззренческий арсенал повести «Жень-Шень» только к культурологическим идеям Иммануила Канта. Диалогичность пришвинского мышления дает возможность подключать к философскому потенциалу этого произведения и другие мировоззренческие контексты. Для нас же является важным тот факт, что в условиях тоталитарной идеологии писатель сумел донести до своего читателя высокий нравственный идеал человека, личности, соединившей в себе за счет высоких моральных качеств извечные пришвинские «хочется» и «надо».

Список литературы

Апанович Ф. Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина. Katowice, 2002.

Борисова Н. В. М. Пришвин: Диалоги с эпохой: Культурологический словарь. Елец, 2009.

Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1965. Т. 4.

Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1994. Т. 6.

Пришвин М. М. Кашеева цепь // Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2.

Пришвин М. М. Жень-Шень // Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра, 2007. Т. 2.

Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая. СПб.: Росток, 2009.

N. A. Trubitsina

Culturological views of Immanuel Kant in the short novel by M. M. Prishvin «Ginseng»

In this paper an attempt is made for the first time to elucidate the influence of Immanuel Kant's philosophy of idealism on the world-view of Mikhail Prishvin and to identify the influence of the German philosopher's culturological ideas on the subject matter and the range of problems in M. Prishvin's short novel «Ginseng». The author of the paper considers the Kantian ideas about the relation between nature and culture, beauty of art and that of the natural world, culture and civilization. She also notes that a significant place in the philosophy of Kant is held by the questions of ethnic cultures. Defining the discourse of the novel «Ginseng» as autobiographical, she comes to the conclusion that the culturological reflections of Immanuel Kant tune with the artistic world of the work. The range of problems raised in the novel reflects the main ethic and aesthetic propositions of the Kantian concept of culture and reveals M. M. Prishvin to the reader as a writer of high moral sense.

Keywords: Prishvin's works, the philosophy of Kant, culturological ideas, the writer's world-view.

DOI 10.17223/18137083/54/8